

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81:1; 81:13

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ОППОЗИЦИОННОГО МЕТОДА

© Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: sharandin@list.ru

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос о статусе оппозиционного метода, который сформировался в рамках фонологии как научной дисциплины. Обоснован подход, согласно которому данный метод имеет междисциплинарный характер, методологическую значимость и характеризуется фундаментальностью. Это обусловлено тем, что по своему назначению оппозиционный метод ориентирован на реализацию диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Использование оппозиционного метода как одного из основных в рамках междисциплинарных исследований позволяет включать его в комплексную методологию разных наук и теорий, поскольку он оказывается не только инструментарием познания объекта, но и принципом исследования разных дисциплин. С этих позиций проанализированы возможности оппозиционного метода на материале классификации разных типов знаний и в сфере поэтического языка. В результате определены отношения между членами различных оппозиций, которые свидетельствуют о взаимодействии оппозитивов и характеризуют данные отношения как динамические. В частности, система знания, построенная на основе оппозиций, представлена как иерархия типов знаний, которые отражают разные типы сознания и имеют различную информационную значимость. Концептуальным выводом явилось положение о том, что оппозиционный метод не является только фонологическим методом, а приобрел статус междисциплинарного и общенаучного метода, который связан с отражением диалектических законов познания.

Ключевые слова: методология; оппозиционный метод; междисциплинарность; типы знаний; поэтический язык

Междисциплинарность как особый аспект исследования и описания языковых объектов во многом обусловлена произошедшей сменой научных парадигм в лингвистике – системоцентрической на антропоцентрическую и развитием лингвистики в конце XX – начале XXI века. Поэтому, наряду с изучением и описанием поуровневого устройства языка, лежащего в основе системно-структурного подхода к языку и определившего описание ядерных языковых средств, на первый план выдвигается изучение языковых способностей носителя языка, его знаний, зафиксированных в языке и обуславливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека. А это уже требовало обращения к междисциплинарным связям, к областям

знаний, которые лежат на стыке лингвистики с другими науками, в рамках которых человеческий опыт позволил выделить и осмыслить взаимосвязь и взаимодействие разных типов знаний. Но при этом междисциплинарные связи осмысливались и в рамках одной науки между разными ее дисциплинами, сориентированными на уровне языковой системы, что получило обоснование в теории и практике межуровневого взаимодействия языковых единиц. Это естественно, учитывая, что новая парадигма не отменяет предыдущую, а активно использует ее результаты и достижения, обращает внимание на те аспекты языка, которые в системоцентрической (системно-структурной) парадигме не были объектом глубокого и целенаправленного языкового исследования. В результате ранее

полученные знания экстраполируются в другую область с целью осмысления системности и комплексности объекта исследования в целом. Поэтому каждая из существующих парадигм содержит то единственное и неповторимое, что определяет ее выделение и реализацию в исследованиях. Однако ни одна из них не может охватить все аспекты изучения и описания языка. В результате сейчас принято говорить о полипарадигмальном подходе к языковым явлениям, который позволяет сочетать знания разных подходов и дисциплин.

Таким образом, в принципе, междисциплинарность выражает интегративный характер современного этапа научного познания. Это проявляется, в частности, в стремлении многих ученых увидеть универсальный характер в каких-то идеях и методах, которые обнаруживают признаки фундаментальности. Одним из ее проявлений является достаточно распространенный в современной науке перенос способов исследования, возникших в рамках одной дисциплины, в другие. Как отмечает С.С. Гусев, междисциплинарный характер современного познания во многом обусловлен тем, что наука из «дисциплинарной» сферы деятельности превращается в «проблемно ориентированную» [1]. Например, проблема языковой личности оказалась объектом (предметом) исследования не только лингвистов, но и психологов, педагогов, философов, социологов и др. Однако при этом мы не получаем универсальную науку, а имеем интеграцию знаний, например, в лингвистике или психологии. В сущности, мы имеем дело с отношениями разных знаний, которые представляют собой разные аспекты. Они осмысливаются во взаимосвязи и взаимодействии в целях создания целостной исследовательской «картины» по отношению к тому объекту, который оказывается по своей природе многопризнаковым и многоаспектным в его восприятии и понимании на том или ином этапе развития науки, в данном случае лингвистической.

Сегодняшняя эпоха изучения языка – это эпоха междисциплинарного подхода к описанию языка, эпоха рассмотрения взаимосвязей и взаимодействия результатов, полученных в них при общем согласованном подходе. Он предполагает, что в центре внимания

должен быть субъект, языковая личность в диалектическом единстве ее структурных уровней. Поэтому междисциплинарность определяется антропоцентризмом как основным принципом описания языка на современном этапе его познания.

В настоящее время термин «междисциплинарность» и его понятийное содержание имеет неоднозначное представление в науковедении. Во многих случаях под междисциплинарностью имеют в виду то, что раньше называлось «комплексным подходом» или «системным подходом» и основывалось на диалектическом принципе всесторонности описания объекта. Но междисциплинарность может обуславливать и создание новых наук, которые в результате интеграции получают качественно иное состояние, которое может определить самостоятельный статус интегративной, междисциплинарной науки по отношению к представленным в ней научным дисциплинам (наукам). Важнейшим моментом, определяющим статус дисциплины – самостоятельный или несамостоятельный, – оказывается наличие метода исследования, который лежит в основе ее теории. Если мы имеем дело с общим методом, то это, скорее всего, показатель междисциплинарности, обусловленной разными дисциплинами в рамках общей науки. В этом случае мы имеем применение метода (методов) одной научной дисциплины для решения задач другой научной дисциплины с соответствующей целью исследования объекта. Если же интегративные знания создали и новый метод, который реализует свои возможности познания объекта, то по существу данный метод определяет существование новой теории, не сводимой к простой сумме знаний как составляющих междисциплинарной дисциплины. В этом плане можно рассматривать когнитивную лингвистику, имеющей свой предмет, свою терминологию и методы исследования [2], отличные от предмета, терминологии и методов в тех дисциплинах, которые образуют ее «зонтиковую» природу. Можно говорить, что в случае с когнитивной лингвистикой количество интегративных знаний перешло в новое качество сформировавшегося интегративного знания, получаемого в результате когнитивного описания языка.

На методологическом уровне междисциплинарность значима и востребована как инструментарий, позволяющий получить новые знания не только в новой, сформировавшейся на стыке дисциплин, интегративной области, но и в рамках той дисциплины, которая оказалась одной из составляющих нового интегративного дисциплинарного единства (науки). В последнем случае «старые» дисциплины обогащаются новыми принципами описания их объектов и получают развитие в плане перспективного видения традиционных для них вопросов и проблем.

Рассматриваемый нами в рамках настоящей статьи оппозиционный (оппозитивный) метод относится к общенаучным (общим, по крайней мере, для гуманитарных дисциплин) методам, которые позволяют их применять в разных дисциплинах и тем самым видеть в них междисциплинарный характер.

Как известно, термин «метод» и его понятийное содержание определяет понятие методологии, которая является важнейшей частью любого научного исследования, а также научных школ и направлений. Именно методология обуславливает основной вектор их формирования и развития. В учении о методологии отмечается, что первоначально она была неявно представлена в практических формах взаимоотношений людей с реальной действительностью. В дальнейшем методология вычленяется в специальный предмет рационального (теоретического) познания и фиксируется как система принципов и способов познания, которые соотносятся со свойствами и законами действительности.

В настоящее время методология представляет собой систему философских знаний, репрезентация которых конкретизируется применительно к различным сферам теоретической и практической деятельности человека, представленным той или иной наукой. В результате, наряду с методологией как системой философских знаний о действительности, в этих сферах деятельности (дисциплинах, науках) были сформулированы частные методологии, в соответствии с целями, задачами и условиями этих сфер. Частные методологии отражают опыт и знания, передаваемые тем или иным специализиро-

ванным методом. Так, осознание языка не только в качестве средства познания действительности, но и в качестве специфического объекта действительности привело к методам описания языковой системы как системы знаний о языке.

Исходным *методологическим принципом* современного отечественного языкознания является положение о том, что язык представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека и связан с его сознанием. Реальный (естественный) язык представлен конкретной речевой деятельностью, реализуемой в коммуникативном процессе. Наряду с реальным языком можно выделить язык как абстрактную (идеальную) систему, которая создается с целью его познания и строится на основе результатов речевой деятельности. Определяющее значение для методологии языкознания имеют *принципы и законы материалистической диалектики*.

По отношению к лингвистике как сфере научных знаний о языке **методология** – это системно упорядоченный набор концептуальных принципов, отражающих философскую, логическую, собственно лингвистическую и практическую составляющие в исследовании языкового объекта, а также набор принятых положений (постулатов) для их реализации в когнитивно-коммуникативной деятельности человека [3].

Любой крупный этап в развитии языкознания, характеризующийся изменением взглядов на язык, изменением лингвистической теории, сопровождается коренным изменением методов, стремлением создать новый метод. При этом, в отличие от исчезновения старых взглядов на язык и замены их новыми, методы, унаследованные от предыдущего этапа, не исчезают полностью, а сохраняют свое значение на новом этапе в качестве частных, специальных, но при этом основных методов. Таким образом, современное языкознание обладает несколькими основными общими научными методами, восходящими к различным эпохам и дисциплинам (наукам). *Единым философским методом* современного русского языкознания является *диалектико-материалистический метод*. Что же касается основных методов лингвистики, то создать универсальный метод в изучении лингвистики не удалось. По-

этому лингвистическая методология представляет собой совокупность научно-исследовательских методов и приемов, с помощью которых изучают разные стороны языковой системы, ее развитие и функционирование. Это находит отражение в существовании различных лингвистических наук (структурно-семантическая лингвистика, функциональная лингвистика, когнитивная лингвистика, сопоставительная и сравнительная лингвистика и т. д.).

Оппозиционный метод впервые был применен к описанию фонем и определил возникновение и развитие фонологии как самостоятельной науки или особого аспекта в описании звукового строя языка (фонетики). Именно в рамках фонологии получили свое первичное содержательное наполнение такие понятия, как «оппозиция», «нейтрализация», «дифференциальный» и «интегральный» признаки как показатели взаимосвязи оппозиций. Но впоследствии фонология с ее первоначальным оппозиционным методом и понятийным аппаратом оказалась не только самостоятельной дисциплиной, но и «методом исследования языкового материала вообще» [4, с. 9], поскольку сам по себе оппозиционный метод не заключал в себе ничего специально фонологического (см.: [5, с. 142-162]). Более того, фонология с ее методом стала определять «современное лингвистическое мировоззрение» [6, с. 172]. Это было ожидаемо и закономерно, учитывая, что понятие противопоставления (противоположения), лежащее в основе оппозиции, отражает общий диалектический закон познания. Его сущность не часто цитируемый ныне В.И. Ленин определил как «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними» [7, с. 317]. Поэтому методологическая значимость оппозиционного метода обусловлена диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Он раскрывает природу и закономерности диалектического познания человеком окружающего мира, его динамического развития, позволяющего увидеть не только результаты познания, но и его процессуальную сторону. В сущности, и само познание предполагает взаимодействие единства и борьбы противоположностей (ср.: объективное и субъективное познание, анализ и син-

тез и т. д.). Как отмечают исследователи, слово *борьба* в формулировке закона единства и борьбы противоположностей нельзя понимать буквально – как столкновение. Поэтому в «Большом энциклопедическом словаре» (2000) по отношению к слову *борьба* дается уточнение – *взаимодействие*: «основу всякого развития составляет *противоречие – борьба (взаимодействие)* противоположных сторон и тенденций, находящихся вместе с тем во внутреннем единстве и взаимопроникновении» [8]. Понять диалектическое противоречие – значит понять, как оно развивается и разрешается.

Оппозиционный метод лежит в основе структурирования системы языка и его единиц, поскольку структура – это один из атрибутов системы, это своего рода форма представления и существования системы, это то, что обуславливает внутреннее единство и целостность системы. В этом смысле представляется интересным мнение Г.П. Мельникова: «Под системой следует понимать любое сложное единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей-элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), то есть структуру» [9, с. 98]. Оппозиционный метод в этом случае позволяет осознать систему в связи с развитием науки, обобщением в ней новых достижений познания и практической деятельности. Это, в конечном счете, и привело к тому, что в настоящее время большинством лингвистов признается фундаментальный характер основных фонологических понятий. При этом фундаментальность определяется как «то, что работает и в других областях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [6, с. 172]. По этому поводу В.К. Журавлев писал: «Фонология как демург, создает лингвистику XX века по образцу и подобию своему» [6, с. 172].

Оппозиционный метод, таким образом, оказался не только собственно методом, но и принципом исследования, имеющим методологический статус. Принцип противопоставленности, лежащий в основе данного метода, позволяет осмысливать и описывать определенную упорядоченность языковых единиц с учетом их взаимоотношений между собой.

Вследствие этого характер данных отношений может быть различным, но сам факт наличия противопоставленности не вызывает сомнений, ибо она обусловлена отражением сущностного характера связей и отношений как явлений внешнего мира, так и самого процесса познания [10, с. 77]. Понятия «связь», «отношение» всегда предполагают, как минимум, «парность» рассматриваемых объектов. Нет категорий, которые, по выражению М.И. Конкина, формировались бы «в одиночестве», без одновременного становления сопряженной категории, отражающей те стороны или связи и отношения реальной действительности, которые и взаимно обуславливают друг друга и в то же время выступают противоположностями по отношению друг к другу [10, с. 75].

Оппозиционный метод наиболее ярко и наглядно демонстрирует таксономическую (классификационную) деятельность человека, связанную с его определенной когнитивной способностью – способностью категоризировать мир. По мнению Е.С. Кубряковой, это «главный способ придать воспринимаемому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различий других» [11, с. 85]. В настоящее время роль классификаций оценивается неоднозначно, поскольку часто языковые факты не укладываются в их «прокрустово ложе». Несомненно, классификация не может рассматриваться как конечный результат работы исследователя. Но, тем не менее, она является необходимой основой для объяснения языковых фактов, «методом научного исследования, направленного на организацию и представление в обозримой форме больших массивов эмпирического материала, подлежащего дальнейшему исследованию» [12, с. 214], методом познания, позволяющим выявить существенные свойства объектов и тем самым закономерности их функционирования.

Рассмотрим возможности применения междисциплинарного оппозиционного метода в наших работах на различном материале, который свидетельствует также о методологическом статусе и фундаментальном характере данного метода. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие облас-

ти науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Причем специфичность следует обнаруживать не только в различиях между объектами исследования, но и в характере тех отношений, которые возникают внутри объекта, то есть в системе сближений и различий, лежащих в основе различного рода оппозиций. Именно оппозиция позволяет увидеть системный и функциональный характер объекта, определить значимость и место того или иного члена оппозиции, да и самой оппозиции в целом, в системе языка. По мнению В.Г. Руделева, самым ценным в оппозиционной теории Н.С. Трубецкого «были не сами оппозиции, а способы их обоснования. Таковыми оказывались нейтрализации, которые характеризовали не только оппозиции, но и корреляции и даже релевантные признаки» [13, с. 447]. Поэтому оппозиционный метод не является только собственно фонологическим методом [14, с. 56–61], а приобрел статус междисциплинарного и фундаментального понятия, которое отражает общий диалектический закон познания.

Оппозиционный метод и система знаний. В «Философском энциклопедическом словаре» (далее ФЭС) знание определяется как «результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [15, с. 192]. При этом отмечается, что отношение к действительности носит многоуровневый и сложно опосредованный характер. В качестве основных типов знаний выделяются «донаучные, житейские, художественные (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научные (эмпирические и теоретические) знания». При этом в качестве основного противопоставления рассматриваются житейские и научные знания. Житейские знания основываются на здравом смысле и обыденном сознании и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека. Научные же знания характеризуются осмыслением фактов в системе понятий данной науки и включаются в состав теории, образующей высший уровень научных знаний [15, с. 192]. Как итог познавательной деятельности человека и как результат осмысленного им предметного опыта опреде-

ляется знание в «Кратком словаре когнитивных терминов» [16, с. 28].

Знания, будучи результатом познавательного процесса различных сторон действительности, могут быть представлены, на наш взгляд, не просто как некая их совокупность, а как определенная система, элементом которой оказывается тот или иной тип знания. Осмысление совокупности знаний как системы возможно на основе оппозиционного метода.

Прежде всего, выделяя категорию «знание», мы тем самым противопоставляем ее «незнанию». Данное противопоставление представлено в «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова: «Знание противоположно незнанию, то есть неосведомленности в чем-нибудь, отсутствию представлений и понятий о чем-либо» [17, с. 185].

В этом следует видеть взаимосвязь понятий «знание» и «информация», не отождествляя их и тем самым не делая их абсолютными синонимами. По мнению А.Д. Урсула, с одной стороны, «информация оказывается не только стороной или частью знания, именно того знания, которое может быть передано другим людям, но в известном смысле и более широким понятием, ибо включает в себя не только знание, но и иные сведения» [18, с. 104]. Поэтому отношения между ними можно выразить следующим образом: знание всегда представляет собой ту или иную информацию, но информация не всегда может восприниматься как знание. *Знание* – это та информация, которая коммуникативно значима. Вот почему знания присущи и животным. Как отмечается в ФЭС, «элементарные знания, обусловленные биологическими закономерностями, свойственны и животным, у которых они служат необходимым условием их жизнедеятельности, реализации поведенческих актов» [15, с. 192].

Таким образом, *знание* отличается от *незнания* наличием коммуникативно значимой информации, передаваемой в процессе общения и служащей условием дальнейшего приращения знания. Отсутствие такой передаваемой информации влечет за собой то, что Н.И. Кондаков определил как «неосведомленность в чем-нибудь». Оппозиция «знание – незнание» имеет привативный характер. В качестве маркированного оппозиита

выступает «знание», а немаркированного – «незнание». Показателем этого является нейтрализация, осуществляемая в сторону оппозиита «незнание». Различительный признак «наличие коммуникативно значимой информации» теряет свою релевантность, если не происходит приращения нового знания.

Следующая оппозиция определяется соотношением понятий «научное знание – ненаучное знание». В его основе лежит различие в способах познания действительности. По мнению И.С. Алексеева, автора статьи «Наука» в ФЭС, *научные знания* представляют сферу человеческой деятельности, «функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» [15, с. 403]. *Ненаучное знание*, будучи неоднородным по своей представленности, характеризуется, соответственно, другими способами познания действительности, которые оказываются противопоставленными по ряду признаков. В частности, один из этих способов познания связан с чувственным, «созерцательным» [Бодуэн де Куртенэ] отображением действительности, которое противопоставлено логико-понятийному способу.

В оппозиции «научное знание – ненаучное знание» маркированным оппозиитом следует считать научное знание. Правда, такой характер оппозиции проявляется не в отношении всех типов ненаучного знания, а прежде всего в отношении к обыденному (жизнейскому, практическому) знанию. Примером нейтрализации данной оппозиции являются случаи, когда научная информация теряет свою теоретическую значимость и воспринимается носителями языка как ориентировочная основа повседневного поведения человека, как информация здравого смысла. Обращение к нему не требует того напряжения, которое присуще усвоению и передаче научного знания в коммуникативном процессе, когда осмысление информации связано с усвоением системы понятий той или иной науки. В результате происходит стирание граней между научными и обыденными знаниями. Так, знания о свете, машине, птице и т. д. стали знаниями обыденного сознания, и данные слова уже относятся к именам базового уровня категоризации действительности, своего рода «семантическим примити-

вам», которые используются уже для осмысления понятийного аппарата научного исследования, для толкования значений слов, представляющих, прежде всего, суперординатный уровень категоризации [19, с. 13-15]. Причем, став репрезентантами обыденных знаний, они позволяют осмысливать и описывать новые научные знания более экономным способом, поскольку их включение в состав теории не требует научного объяснения и не затрудняет, а, скорее, облегчает восприятие научной информации. Другими словами, нейтрализация *научного – обыденного знаний* позволяет увеличить скорость передачи научной информации в единицу времени.

Следующая оппозиция построена на различительном признаке «креативность – некреативность», релевантность которого проявляется в системе ненаучных знаний, поскольку все типы научных знаний по своей природе креативны, представляя собой творчески-познавательную деятельность человека. Положительное значение этого признака определяется креативностью как более специфичной и более сложной формой познания действительности. Поэтому креативные знания оказываются маркированными по отношению к некреативным знаниям.

В качестве креативного знания в системе ненаучных знаний выделяются *«художественные» знания* [15, с. 404], отражающие эстетический (поэтический) способ освоения действительности, который представлен различными видами искусства, а в языковом плане – художественной литературой. Специфика этого способа отображения проявляется в его «явном» или «скрытом» образном характере. Если сравнивать два таких креативных способа осмысления действительности, как научный и художественный, то различие между ними проходит по линии своеобразия мышления: научные знания представляют собой «мышление в понятиях», а художественные знания – «мышление в образах». Соответственно, в первом случае реализуется интеллектуально-понятийная (теоретическая) сторона познавательной деятельности человека, а во втором случае – чувственно-образная.

При этом важно отметить, что противопоставление научных и художественных

знаний определяется в рамках не привативной, а эквиполентной оппозиции, члены которой равнозначны. Поэтому и не происходит нейтрализации между ними, они равноправны, демонстрируя собой принципиально разные и противоположные способы познания действительности. Однако это не означает, что они не взаимодействуют друг с другом, но их взаимодействие осуществляется опосредованно, через их взаимосвязь с обыденными знаниями, отражающими обыденное сознание. В этом смысле мы имеем не двоичное, а троичное противопоставление, в центре которого абсолютно немаркированным опозитом является обыденное знание, а в качестве крайних опозитов выступают маркированные – научное знание и художественное знание (о характере троичных оппозиций см.: [20]).

Наряду с обыденным знанием, в системе некреативных ненаучных знаний представлено *религиозное знание*, которое отражает религиозный взгляд на восприятие действительности и реализует магическую функцию языка, когда в качестве адресата речи выступает не человек, а высшие силы. Именно этим обусловлен некреативный характер религиозного знания, поскольку человек в своем познании действительности руководствуется не своим взглядом на мир, не результатами личного познания, а тем, что определено высшими силами. Вследствие этого ему приходится принимать на веру то, что предписано свыше, то есть ту систему представлений о мире с его духовными ценностями, которую сформировали высшие силы. Религиозные знания – это те знания, которые сообщены человеку через «слово божие» и в этом смысле они некреативны, ибо их содержание «понимается как вечное, абсолютное, не подлежащее какому бы то ни было историческому изменению» [15, с. 676].

Ненаучный же характер религиозных знаний определяется тем, что научный путь познания действительности «делает теорию средством решения фундаментальных задач познания действительности» [15, с. 677]. Следовательно, научная информация предполагает приращение нового знания, тогда как религиозные знания такого приращения нового в познании действительности не дают: «разуму отводится служебная герменев-

тическая (истолковательная) роль, он только принимает и разъясняет «слово божие» [15, с. 476]. Последнее, правда, позволяет дополнять религиозные знания, но это дополнение связано не с развитием теории, а с недостаточностью или неполнотой объяснения «слова божьего», представленного в религиозных (сакральных) текстах как вневременная истина. В принципе, в религии теоретические воззрения присутствуют, о чем свидетельствует наличие такого учения, как теология (учение о боге). Однако они не связаны с сущностью науки, а именно: «понятие «наука» включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятельности – сумму полученных к данному моменту научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира» [15, с. 403].

Ненаучный и некреативный характер религиозного знания сближает его с обыденным знанием. Но в отличие от него религиозные знания имеют более узкую и специальную ориентацию в познании действительности, чем обыденное знание, которому присущ общечеловеческий характер, то есть это познание присуще всем людям, тогда как религиозное мышление связано с образно-символическим восприятием действительности. Данный тип мышления присущ не всем носителям языка, а лишь верующим, для которых религиозные образы-символы являются репрезентантами религиозного сознания, определяющими соответствующее поведение ритуального типа.

Специальный характер знания, представленный в религиозном знании, обуславливает его маркированность в оппозиции с обыденным знанием. Показателем таких отношений является нейтрализация религиозных знаний с нерелигиозными (обыденными), о чем свидетельствует наличие, в частности, народных религиозных воззрений.

В рамках признака «специальный – общий характер знания» может быть представлено разграничение в системе научного знания специальных знаний, связанных с отражением познания объектов той или иной конкретной науки (например, лингвистики, биологии, физики и т. д.), и общих знаний, связанных с познанием природы, общества и мышления в целом. В этом случае вырабатывается обобщенная система взглядов на мир,

на отношение к нему со стороны человека. Данный тип знания представлен *философским знанием*, характер которого позволяет использовать его в качестве теоретической формы сознания, выполняющей методологическую функцию по отношению к специальным наукам (теориям, учениям) в аспекте познания их объектов. Поэтому философия, представленная соответствующим типом знания, определяется как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

В оппозиции «специальное научное знание – общее (философское) научное знание» маркированным является специальное знание, о чем свидетельствуют факты, когда в системе философского знания оказываются порой те понятия, которые первоначально сформировались в специальных науках, но затем приобрели статус фундаментальных понятий и тем самым статус философских понятий. К ним можно отнести, например, представленное в настоящей статье понятие «оппозиция». Как отмечалось выше, оппозиционный метод, использующий это понятие, впервые системно был применен для описания фонем в фонологии (фонетике), но сам по себе он не заключает в себе ничего специально фонологического и имеет фундаментальный характер.

Итак, система знания представляет собой упорядоченное единство разных типов знания, отношения между которыми строятся на основе оппозиций, имеющих свой ранг, что позволяет определить иерархию типов знания и тем самым их информационную значимость, связанную с познанием действительности посредством языка.

Оппозиционный метод в системе художественных знаний. Продемонстрируем более детально возможности оппозиционного метода в рамках отношений между поэтическим языком и практическим (обыденным) языком, единицы которых репрезентируют разные типы знаний. Как известно, термин «поэтический язык» зародился в отечественной филологии в работах ОПОЯЗа (Общество по изучению поэтического языка) и школы «русского формализма» [21, с. 112]. В них понятие «поэтический язык» получает теоретическое обоснование как имманентная система, имеющая свое специфическое функ-

циональное назначение, которое чаще всего связывается с реализацией языком эстетической функции. Естественно, данное обоснование стало возможным лишь в противопоставлении (оппозиции) языку практическому (обыденному, бытовому), основное назначение которого определялось, прежде всего, чисто коммуникативной функцией, то есть потребностью в общении и в передаче информации.

Оппозиция «поэтический язык – практический язык» позволила выявить, во-первых, правомерность ее выделения в системе языка как оппозиции функционально противопоставленных форм, а не разных языков; во-вторых, обнаружить и описать дифференциальные признаки, различающие их в коммуникативном процессе. Маркированность поэтической подсистемы языка обусловлена релевантностью для нее, прежде всего, таких признаков, как «образность» и «долговременность». Маркированность поэтического языка подтверждается нейтрализацией с практическим языком. Примером могут служить те случаи, когда поэтический текст стандартизируется и употребляется на правах клише в обыденной речи как знак понятия, то есть он не воспринимается как акт творчества, а используется с целью сообщения, заменяя обыденное понятие. Например, в разговоре на вопрос о том, какое у тебя настроение, может последовать ответ: *И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды* (М. Лермонтов), то есть плохое. Смещение идет в сторону немаркированного оппозита – практического языка.

Следующее рассуждение касается *специфики собственно поэтического (художественного) текста*. Большинство исследователей основой поэтических произведений признают их образный строй. *Общая образность* – это то, что отличает художественный текст как произведение искусства от практических текстов, служащих средством человеческого общения, накопления и передачи информации. В рамках же общей образности следует выделять *собственно образность*, представленную конкретными видами изобразительности (сравнениями, метафорами, символами и т. п.), и *безобразность*, как то, что не представлено наличием

специальных средств изобразительности, но, тем не менее, качество общей образности при этом сохраняется. Более уместно по отношению к этому виду образности определить «скрытая», или «глубинная» образность. Образцом произведения, имеющего скрытую (глубинную) образность, несомненно, является стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...», которое, по мнению В.А. Звегинцева, не только не теряет своей волшебной силы художественного воздействия, но и стоит в ряду лучших созданий поэта [22, с. 294].

В отличие от оппозиции «поэтический язык – практический язык», представляющей собой привативный тип, противопоставление «скрытая образность – явная образность» следует отнести к числу эквиполентных. Различия между ними определяются не функционированием, а степенью выраженности образности как релевантного признака поэтического (художественного) текста. С подключением в оппозитивные отношения практического текста, которому можно приписать «нейтральную» образность (ср. положительная степень в категории степени сравнения прилагательного), линия образности представит в виде трехчленной оппозиции. Крайние члены ее оказываются маркированными, поскольку имеют дополнительный признак выраженности (явной или скрытой) образности.

Таким образом, тексты со скрытой и явной образностью противопоставлены друг другу по средствам образности в рамках одной функциональной системы, тогда как художественный текст противопоставлен практическому тексту по функции. И в этом плане он оказывается информационнее, представляя собой более высокую форму коммуникации, связанную с реализацией эстетического назначения языка.

Говоря об оппозитивных отношениях в сфере поэтического языка, коснемся взаимоотношений между основными «явными» средствами, позволяющими обычный текст «перевести» в ранг поэтических. Несомненно, к их числу относятся, с одной стороны, сравнение, а с другой – метафора и метонимия как различные типы (виды) переносного значения. Отношения между ними также могут быть описаны с помощью оппозиционного метода в рамках троичной оппозиции, в центре которой, в качестве ядерного, немар-

кированного члена находится сравнение, а метафора и метонимия оказываются крайними членами, то есть маркированными. Это значит, что отношения между метафорой и метонимией могут быть охарактеризованы как эквивалентные, а в противопоставлении к сравнению – как привативные. Что же касается установления ранговых отношений в этой троичной оппозиции, то менее устойчивым и тем самым в большей степени подверженным нейтрализации оказывается противопоставление «метафора – сравнение». Следовательно, общая структура данной троичной оппозиции будет следующей: *метафора*¹ → *сравнение*² ← *метонимия*, где индекс указывает степень их информационной значимости в этой структуре.

В результате оппозиционный метод позволяет выявить и систематизировать основные противопоставления в сфере поэтического языка. Но самое главное, позволяет увидеть взаимодействие между членами оппозиций и тем самым описать динамические процессы, которые происходят в рамках той или иной оппозиции.

Таким образом, *междисциплинарность* является *когнитивной способностью человека*, которая связана с формированием знаний на стыке разных дисциплин, что позволяет осмыслить и описать ту или иную проблему в аспекте интегративного единства. Проблемно-ориентированная сущность междисциплинарности в этом случае позволяет развивать не только те теории, которые реализовывались в рамках отдельных дисциплин, но и новые теории со своим предметом и методом исследования. Показательным в этом смысле является оппозиционный метод. Сформировавшись в рамках фонологии, он нашел исследовательское применение в других дисциплинах, что позволяет определять его как *междисциплинарный метод*, обладающий методологическим статусом и фундаментальностью. Данные характеристики обусловлены тем, что по своему назначению этот метод сориентирован на реализацию диалектического закона единства и борьбы противоположностей, который является ядерным в диалектическом познании мира и языка как части этого мира. Использование оппозиционного метода как одного из основных в рамках междисциплинарных исследо-

ваний позволяет включать его в комплексную методологию разных наук и теорий, поскольку он оказывается не только инструментарием познания объекта, но и *принципом* исследования разных дисциплин.

Список литературы

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
2. *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
3. *Шарандин А.Л.* Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 13-28.
4. *Руделев В.Г.* Предисловие // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 3-12.
5. *Дриняева О.А., Каменская О.А., Руделева О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применимость за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов: ТГПИ, 1987. С. 142-162.
6. *Журавлев В.К.* Фундаментальный характер фонологических идей // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 171-177.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 29. Философские тетради. 783 с.
8. Большой энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. 1000 с.
9. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 98-102.
10. *Конкин М.И.* Проблемы формирования и развития философских категорий. М.: Высшая школа, 1980. 245 с.
11. *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 331 с.
12. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. 224 с.
13. *Руделев В.Г.* Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Междунар. конф.: в 2 т. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447.
14. *Шарандин А.Л.* Проблемы русской фонетики, графики, орфографии. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2001. 348 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
16. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных

- терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
17. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
18. *Урсул А.Д.* Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975. 287 с.
19. *Болдырев Н.Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 12-28.
20. *Горват Г.Ф., Шарандин А.Л.* Семантико-derivационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов: ТГПИ, 1978. С. 25-31.
21. *Почепцов Г.Г.* История русской семиотики. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 336 с.
22. *Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. 336 с.

Поступила в редакцию 24.04.2017 г.

Отрецензирована 18.05.2017 г.

Принята в печать 26.07.2017 г.

Информация об авторе

ШАРАНДИН Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: sharandin@list.ru

Для цитирования

Шарандин А.Л. Междисциплинарный характер оппозиционного метода // Нефилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 7-19.

UDC 81:1; 81:13

INTERDISCIPLINARY NATURE OF OPPOSITION METHOD

© **Anatoliy Leonidovich SHARANDIN**

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: sharandin@list.ru

Abstract. The relevant issue of the status of opposition method which was formed within the framework of phonology as scientific discipline is considered. The approach, according to which this method has interdisciplinary nature, methodological significance and is characterized by fundamental nature is considered. This is determined by the fact that opposition method is oriented on realization of dialectic law of the unity and conflict of opposites. The use of opposition method as one of basic within the framework of interdisciplinary approaches let include it in the complex methodology of different sciences and theories, because it is not only the tool of object perception, but also the principle of the study of different disciplines. From these positions the possibilities of opposition method basing on the material of classification of different types of knowledge and in the sphere of poetic language are analyzed. At the result, the relations between the members of different oppositions which are the evidence of cooperation of the opposites and characterize these relations as dynamic are considered. Particularly, the system of knowledge, build on the oppositions is presented as hierarchy of types of knowledge which reflect different types of knowledge and have different information significance. The conceptual conclusion is the statute of opposition method is not only phonological method but is gained the status if interdisciplinary and general scientific method, which is connected with the reflection of dialectic laws of perception.

Keywords: methodology; opposition method; interdisciplinary; types of knowledge; poetic language

References

1. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopaedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, “Kanon+”, Regional Non-Governmental Organization “Reabilitatsiya” Publ., 2009, 1248 p. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoy lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 18-36. (In Russian).
3. Sharandin A.L. Metodologiya leksicheskoy grammatiki [Methodology of lexical grammar]. *Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki v russkom yazyke: problemy, itogi i perspektivy* [Correlation of Lexis and Grammar in Russian Language: Problems, Theories and Prospects]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2009, pp. 13-28. (In Russian).
4. Rudelev V.G. Predislovie [Introductory note]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 3-12. (In Russian).
5. Drinyaeva O.A., Kamenskaya O.A., Rudeleva O.A. Fonologicheskie metody, ikh universal'nost' i primenimost' za predelami fonologii [Phonological methods, its flexibility and use beyond phonology]. *Issledovaniya po russkoy fonologii* [Investigations on Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1987, pp. 142-162. (In Russian).
6. Zhuravlev V.K. Fundamental'nyy kharakter fonologicheskikh idey [Fundamental character of phonological ideas]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 171-177. (In Russian).
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 29. Filosofskie tetradi* [Completed Set of Works: in 55 vols. Vol. 29. Philosophical Exercise Books]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969, 783 p. (In Russian).
8. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Great Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, “Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya” Publ., 2000, 1000 p. (In Russian).
9. Melnikov G.P. Sistemnaya lingvistika i ee otnoshenie k strukturnoy [Sistem linguistic and its correlation to the structural one]. *Problemy yazykoznanija* [Problems of the Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 98-102. (In Russian).
10. Konkin M.I. *Problemy formirovaniya i razvitiya filosofskikh kategoriy* [Problems of Formation and Development of Philosophical Categories]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980, 245 p. (In Russian).
11. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Word Classes from the Cognitive Point of View]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 331 p. (In Russian).
12. Rozova S.S. *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke* [Classification Problem in the Modern Science]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 224 p. (In Russian).
13. Rudelev V.G. Otkrytie, ne osmyslennoe vekom [Invention unmeasured by the century]. *Tezisy Mezhdunarodnoy konferentsii «Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy»* [Proceedings of the International Conference “Linguistics in the End of the 20th Century: Results and Prospects”]. Moscow, Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447.
14. Sharandin A.L. *Problemy russkoy fonetiki, grafiki, orfografii* [Problems of Russian Phonetics, Graphics, Orthography]. Tambov, R.V. Pershin's Publ., 2001, 348 p. (In Russian).
15. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983, 840 p. (In Russian).
16. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (In Russian).
17. Kondakov N.I. *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical Glossary]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 720 p. (In Russian).
18. Ursul A.D. *Problema informatsii v sovremennoy nauke* [Problem of the Information in the Modern World]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 287 p. (In Russian).
19. Boldyrev N.N. O tipologii znaniy i ikh reprezentatsii v yazyke [About the typology of knowledge and its representation in the language]. *Tipy znaniy i ikh reprezentatsiya v yazyke* [Types of knowledge and its representation in the language]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2007, pp. 12-28. (In Russian).
20. Gorvat G.F., Sharandin A.L. Semantiko-derivatsionnye oppozitsii po priznaku pola [Semantical-derivational oppositions based on gender]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, Tambov State Pedagogical University Publ., 1978, pp. 25-31. (In Russian).
21. Pocheptsov G.G. *Istoriya russkoy semiotiki* [History of Russian Semiotics]. Moscow, “Labirint” Publ., 1998, 336 p. (In Russian).

22. Zvegintsev V.A. *Mysli o lingvistike* [Thoughts on Linguistics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, 336 p. (In Russian).

Received 24 April 2017

Reviewed 18 May 2017

Accepted for press 26 July 2017

Information about the author

SHARANDIN Anatoliy Leonidovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: sharandin@list.ru

For citation

Sharandin A.L. Mezhdistsiplinarnyy kharakter oppozitsionnogo metoda [Interdisciplinary nature of opposition method]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 7-19. (In Russian, Abstr. in Engl.).